

СЬЮЗЕН СОНТАГ
О

ЖЕН

ЩИ

НАХ

AD MARGINEM

Сьюзен Сонтаг

О женщинах

«Ад Маргинем Пресс»

1972-1975

УДК [821.111(73)-4+396](081)
ББК 84(7Сое)-46я44+63.3(0)-28я44

Сонтаг С.

О женщинах / С. Сонтаг — «Ад Маргинем Пресс», 1972-1975

ISBN 978-5-91103-740-6

Новый сборник эссе Сьюзен Сонтаг «О женщинах» составлен ее сыном Дэвидом Риффом из текстов, написанных и изданных с 1972 по 1975 год, в один из самых резонансных периодов женского движения в США. Полемические и порой радикальные идеи Сонтаг о том, что значит быть женщиной в современном мире, представлены в критических эссе, журнальных анкетах и интервью, а также в дискуссии в письмах с поэтессой и феминисткой Адриенной Рич. Смешивая живую публицистику и обобщающую аналитику, Сонтаг поднимает вопросы двойного стандарта старения, женской сексуальной валидности, отношения женщин друг к другу, связей женского движения с другими революционными движениями, самоугнетения женщин, функционирования идеалов красоты, эротизации фашизма, плюральности феминистских позиций и прочие. Сборник отражает бурную эпоху начала 1970-х годов, а также путь самой Сонтаг, не теряя критической актуальности и поныне. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК [821.111(73)-4+396](081)
ББК 84(7Сое)-46я44+63.3(0)-28я44

ISBN 978-5-91103-740-6

© Сонтаг С., 1972-1975
© Ад Маргинем Пресс, 1972-1975

Содержание

Мерве Эмре	6
Сьюзен Сонтаг	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сьюзен Сонтаг

О женщинах

Copyright © 2023, Susan Sontag. All rights reserved

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2024

Мерве Эмре Предисловие

Когда тебя как критика просят снабдить предисловием тексты о женщинах, написанные в 1970-е годы, ты испытываешь тревогу, опасаясь, что идеи в них будут представлять интерес только как реликвии давнего, менее просвещенного прошлого. Какое облегчение вновь прочитать эссе и интервью в книге *О женщинах* Сьюзен Сонтаг и убедиться, что они не способны устареть. Им действительно почти пятьдесят лет, но вместо мягкого укола, что они хороши «для своей эпохи», по прочтении сегодня они, напротив, вызывают восхищение своей неподвластностью времени. В них нет шаблонных идей и заимствованной риторики – ничего, что рисковало бы заостенеть и превратиться в догму или клише. Они – исключительно зрелище могучего интеллекта, приложенного к конкретной задаче: сформулировать политику и эстетику того, что значит быть женщиной в США, в других странах американского континента и в мире.

Уникальное очарование Сьюзен Сонтаг, увы, иногда оборачивалось против нее, особенно когда речь шла о вопросах пола и гендера. Критики с настороженностью относились к ее популярности, полагая, будто успех сделал ее неуязвимой к трудностям обычных женщин, и обвиняли ее в лучшем случае в непостоянстве отношения ко Второму полу, а в худшем – вовсе в предательстве. Сложно не увидеть намек на это, например, в опубликованном в журнале *The New York Review of Books* письме поэтессы и феминистки Адриенны Рич, высказывающей свое возмущение эссе Сонтаг о Лени Рифеншталь. Отвергая предположение Сонтаг, что феминистки несут некоторую ответственность за возведение фильмов Рифеншталь в ранг культурных монументов, Рич говорит: «...радикальный феминизм всегда был критически настроен к женщинам, „успешность“ которых определяют мужчины, будь они художницами, начальницами, психиатрами, марксистками, политиками или учеными». Неслучайно в своем письме Рич распространяет «определенные мужчинами» ценности за пределы профессионального успеха в область эстетических и этических явлений, которые привлекали Сонтаг в качестве предмета рассуждения: превращение людей в объекты, растворение индивидуальности в стиле, стремление к совершенству через доминирование и подчинение – всё это отнесено к атрибутам патриархата и используется как повод обвинить Сонтаг в пристрастии к нему.

Мы можем согласиться с Рич в том, что Сонтаг не причисляла себя к радикальному феминистскому движению. Она ставила под сомнение его унаследованную политическую риторику («риторику гошизма», как она писала в своем дневнике) и неприятие интеллекта с его «буржуазностью, фаллоцентричностью, репрессивностью». «Как все важнейшие моральные истины, феминизм несколько однокбок», – замечает она в своем ответе Рич. Но если же мы отказываемся использовать в качестве лакмусовой бумажки для определения феминисток их праведное возмущение успешными женщинами и ценностями, которые «определили мужчины», мы должны со скепсисом отнестись к утверждению Рич, что тексты Сонтаг о женщинах – это скорее «упражнение в интеллектуальности, чем меткий анализ прочувствованной действительности – ее собственной».

В дневниковой записи от 1972 года Сонтаг пишет, что «Женщины» – одна из трех тем, которые преследуют ее всю жизнь; другие две – это «Китай» и «Фрики». Однако центральной в ее работах она стала только в 1970-х. Историческое объяснение этому простое. Период с 1968 по 1973 год стал самым активным и общественно заметным периодом женского движения в США, годами, которые мы видим на чередке ярких кадров: женщины жгут бюстгалтеры, женщины идут маршем по улицам и раскачиваются на траурных бдениях со свечами, женщины раздают mimeографические копии просветительных листовок о равной оплате труда,

домашнем насилии, распределении домашних обязанностей, детских садах и праве на аборт; женщин, с большим интересом листающих книги *Второй пол*, *Загадка женственности*, *Диалектика пола*, *Политика пола*. Почти каждая заметная эссеистка высказывала свое мнение по поводу движения, часто придерживаясь холодного, надменного скептицизма в отношении его целей и принципов. В наше время при чтении несколько беспорядочного эссе Элизабет Хардвик *Женщины о женщинах* или злобного, поразительно поверхностного эссе Джоан Дидион *Женское движение* возникает смутное чувство неловкости или даже недоумения от отсутствия у их авторов чувства солидарности и интереса к условиям, определившим их жизни не в меньшей степени, чем жизнь тех женщин, на которых они с такой легкостью и готовностью смотрят свысока.

В сравнении с ними эссе и интервью Сонтаг полны напора, сочувствия, беззастенчивой правдивости и широты воображения в том, чем является и чем может быть женщина. В другом мире сборник эссе *О женщинах* мог бы быть опубликован между *Образцами безоглядной воли* (1969) и *Под знаком Сатурна* (1980). Собранные здесь тексты представляют незамеченную половину десятилетия работы Сонтаг, большую часть которой она проделала между поездкой во Вьетнам и моментом, когда ей впервые диагностировали рак. Читая *О женщинах* в контексте ее личной истории и истории мировой, понимаешь, что общий фон этих эссе – смерть, и всё ее представление о женщинах окрашено смертью, осознанием смертности и повсеместного упадка разума и разрушения тела. «Размышляя на днях о собственной смерти, как я часто делаю, я вдруг сделала открытие, – писала она в своем дневнике в 1974 году. – Я поняла, что до сих пор весь мой образ мышления был одновременно слишком абстрактным и слишком конкретным. Слишком абстрактным: смерть. Слишком конкретным: я. А ведь есть и промежуточный термин, одновременно абстрактный и конкретный: женщина. Я женщина. И тогда перед моими глазами открылась целая новая вселенная смерти». Спектр смерти побудил ее переосмыслить отношения между индивидуальным и коллективным, между одной женщиной и женщинами как исторической категорией, отношения, способные развиваться и трансформироваться со временем. Ее стиль стал более сдержанным и сухим, не совсем похожим на яркую, воинственную красоту ее ранних эссе, словно разговор о женщинах потребовал от нее стереть часть ее уникальной личности.

В ее эссе смерть принимает много странных личин. Крайне редко она встречается такой, какой Сонтаг рисовала ее в своих дневниках, – в жутких формах насилия, убийства и рабства. (В одной из мрачнейших записей она составила заметки для эссе, которое она хотела назвать *О смерти женщин* или *Как умирают женщины*, но в итоге не написала.) Иногда, как в *Третьем мире женщин*, ее великолепном интервью 1972 года для ежеквартального левоориентированного издания *Libre*, смерть принимала облик стремления к самоуничтожению всего глобального миропорядка с его идеологией безграничного роста, который влечет за собой «постоянное увеличение производительности труда и потребления; необузданную каннибализацию окружающей среды». И мужчины, и женщины оказались в ловушке примитивного, всепоглощающего желанья иметь всё больше и больше, при этом женщины испытывали дополнительный гнет института нукlearной семьи, этой «тюрьмы сексуального угнетения, игрового поля морального лицемерия, музея собственности, завода по производству вины и школы эгоизма». Тот факт, что семья помимо этого представляла собой источник ценностей человеческого контакта («теплоты, доверия, диалога, равенства, верности, спонтанности, сексуального удовольствия, радости»), только усиливал ее власть.

В формулировке этого двойного диагноза Сонтаг с осторожностью держалась на расстоянии от социалистической и марксистской риторики в феминизме того времени; на протяжении всего интервью чувствуется неприязнь к политическому радикализму и глубокое убеждение, что работа может быть источником гордости, самореализации и заслуженного социального и культурного признания. Тем не менее, как и феминистки, она понимала, что неприкосновен-

ность семьи построена на эксплуатации неоплачиваемого домашнего труда женщин и обеспечении этого труда как играющего «вспомогательную, второстепенную роль в экономике». «Женщины, которые обрели свободу выходить „в мир“, но всё еще ответственны за покупки, готовку, уборку и детей, просто удваивают свою загруженность», – пишет она. Освобождение от смерти и переход к жизни требовал революции, которая положила бы конец жажде наращивания капитала и авторитарным моральным привычкам, сохраняющим разделение труда – мужчины на работе, женщины дома – в неизменном виде.

Чаще всего, конечно, смерть появляется в этих эссе в виде медленного разложения внутреннего «я» человека и болезненного сужения круга его возможностей в жизни. Сонтаг описывает это с пугающей ясностью и откровенностью в *Двойных стандартах старения*. «Старение же, чаще всего, – это испытание воображаемое, это нравственная болезнь, социальная патология, которая поражает женщин куда в большей степени, чем мужчин», – писала она. С каждым днем горизонт возможностей блекнет и отдалается. На теле начинают появляться признаки его угасания; оно превращается из союзника в предателя упругого, нетронутого морщинами образа себя, какой ты была в юности. Но сам образ и есть предатель женщины, утверждает Сонтаг. «Красота – занятие женщины в нашем обществе – это театр ее порабощения. Законную силу имеет только один стандарт женской красоты: молодая девушка». Женщинам было не разрешено меняться, отказываться от своей гладкой невинности и покорности в пользу мудрости, компетенции, силы и амбиций без страха общественного осуждения. Эссе в сборнике *О женщинах* ясно дают понять, что для Сонтаг угнетение женщин составляло эстетическую и нарративную проблему не в меньшей степени, чем политическую и экономическую.

Представляет ли красота проблему для феминизма? В контексте эссе Сонтаг вопрос лучше поставить так: представляет ли красота проблему для того будущего, которое женщины видят для себя? Каково это – освободиться от традиционных образов красоты, ее шаблонных историй? Красивой женщине всегда неловко писать о физической красоте, потому что она становится одновременно объектом и субъектом своего рассуждения. Но еще страшнее для нее признать, что ее красота начала рассыпаться, увядать; и теперь ее будет характеризовать не наличие этой восхитительной красоты, но ее отсутствие. Сонтаг было тридцать девять, почти сорок, когда она писала *Двойные стандарты старения*, – это одна из немногих личных деталей, которые она раскрывает во всём сборнике. Ей было немного за сорок, когда она написала два коротких эссе о красоте, *Женская красота: унижение или источник силы?* и *Красота: как она изменится в будущем?* «Несомненно, красота обладает властью. И вполне заслуженно», – пишет она. Тем не менее это такая власть, которая существовала лишь в контексте отношений с мужчинами: «это не власть делать что-то, но привлекать». «Это власть, которая отрицает саму себя. Это власть, которую нельзя выбрать по собственному желанию – по крайней мере, для женщины – и от которой нельзя отказаться без общественного порицания».

В попытках нащупать иные – свежие, дарующие силу – отношения между женщинами и красотой, Сонтаг опиралась на свое давнее недоверие к красоте как к мерилу людей и искусства. Впервые это недоверие она озвучила в *Заметках о кэмп*: союз, заключенный между красотой и массовой цивилизацией, подозревала она, в результате привел к некоторому однообразию и предсказуемости вкусов. В сборнике *О женщинах* она раскрывает, как этот союз способствовал угнетению женщин, насаждая им стандарты одновременно слишком гибкие, слишком подвластные мимолетным причудам и эстетическим ценностям рынка, и вместе с тем чрезмерно жесткие, неспособные обеспечить социальное принятие слишком старым, громким, некрасивым, неженственным, больным. Если же красоту «урезали под мифологию о „женственности“», то только более шокирующее и либеральное определение могло насильно освободить ее от привязки к полу. Красота должна перестать быть предметом мужского одобрения; она должна присвоить себе «маскулинное» и заставить работать на благо женщин.

Отголоски кэмп слышны во всех эссе *О женщинах*. Кэмп, изначально в понимании Сонтаг далекий от политики, в этих эссе обнажает привилегированный характер политики феминистского освобождения. Если кэмп означал разрыв со своим полом, «агрессивную, грубую, вульгарную пародию» на гендерные роли, как она описывала его в интервью журналу *Salmagundi*, то в ее представлении о политике повышения осознанности есть нечто фантастически кэмповое. Она призывала женщин думать о себе как об актерах в «партизанском театре» или революции и действовать самым гротескным, возмутительным образом:

Свистеть мужчинам на улице, совершать налеты на салоны красоты, пикетировать против производителей сексистских игрушек, массово переходить в воинствующий лесбианизм, заводить собственными психиатрическими клиниками и абортариями, проводить феминистские психологические консультации при разводах, создавать центры отказа от косметики, брать фамилии матерей, портить унижающие женщин рекламные плакаты, срывать общественные мероприятия песнями в честь невидимых жен знаменитостей и политиков-мужчин, агитировать женщин не брать алименты и не хихикать, подавать иски о защите чести и достоинства против многотиражных «женских журналов», устраивать телефонную травлю мужчин-психиатров, вступающих в сексуальные связи со своими пациентками, устраивать конкурсы красоты среди мужчин, выдвигать кандидаток-феминисток на все общественные посты.

«Женщины смогут добиться в политике куда большего, если будут грубыми, громкими и – по сексистским стандартам – „непривлекательными“, – пишет она. – За это их будут высмеивать, но им нужно не просто относиться к этому стоически – им нужно к этому стремиться». Это был способ нейтрализовать порицание со стороны мужчин. И это же был первый шаг к устранению идеологического раскола по половому признаку между мужчинами и женщинами, что для нее означало конечную цель революции феминизма. «Свободное от угнетения общество, где женщины в объективном и субъективном смысле полностью равны мужчинам, – это непременно андрогинное общество». Что ей не было близко, так это сепаратизм, агрессивное разграничение того, что значит быть или не быть женщиной, что есть красиво, а что – нет. Напротив, она видела ценность в вопиющей дезорганизации гендера и сексуальности, в праве индивидуума на множественные формы бытия, в ее собственном праве иметь несколько разрозненных аспектов личности. Она мечтала об эстетической и политической интеграции мужчин и женщин, которая в конечном счете привела бы к упразднению обеих категорий самоидентификации. Женщинам тогда бы не пришлось создавать свою личную культуру, не пришлось бы искать себе отдельные комнаты. «Вот от чего им нужно стремиться отказаться», – заключает она.

Именно интервью, эти тайные сокровища, меня особенно завораживают в сборнике *О женщинах* и в целом в наследии Сонтаг, поскольку в интервью появляется пространство для плюральности стилей и идей, отражающей ее убеждение в плюральности человеческой личности. «Быть интеллектуалом – значит признавать присущую плюральности ценность и право на пространство критики (пространство для критической оппозиции внутри общества)», – писала она в своем дневнике. Голос в ее интервью всё еще строг, но более смел, раскован и более воинственен в высказываниях. Мы вновь слышим тот пыл борьбы, который был свойственен ее ранним эссе. А еще мы слышим ее готовность отвечать, бросать вызов, проявлять компетенцию, размышлять; ее неприятие простых ответов и уязвленных сентенций. Мы чувствуем тот голод, который побуждал ее продолжать думать. И мы чувствуем, сквозь большую и растущую дистанцию времени, силу ее призыва думать вместе с ней.

Сьюзен Сонтаг Двойной стандарт старения (1972)

«Сколько вам лет?» Вопрос задает кто угодно. Задает он его женщине, женщине «определенного возраста», как тактично говорят французы. Возраст этот может быть от двадцати с небольшим до почти шестидесяти. Если вопрос не носит личного характера, – когда его рутинно задают при оформлении водительских прав, кредитной карты, паспорта, – она, чаще всего, заставит себя сказать правду. Заполняя заявление на выдачу свидетельства о браке, если ее будущий муж хоть немного ее младше, она может вычесть несколько лет; но, скорее, всё же не станет. Пытаясь устроиться на работу, если «правильный» возраст сколько-то увеличит ее шансы на успех, а она «неправильного» возраста, при возможности она соврет. На первом приеме у нового врача, будучи в особенно уязвимом состоянии, в ответ на этот вопрос, она, вероятно, поспешно назовет настоящее число. Но если же этот вопрос – как выражаются люди, личный – задает новый друг, случайный знакомый, соседский ребенок, коллега по конторе, магазину, цеху, то ее ответ сложнее предугадать. Она может отшутиться или уклониться от него с игривым возмущением. «Кто же спрашивает у женщины, сколько ей лет!» Или, замаявшись на мгновение, она засмущается, но с вызовом скажет правду. Или солжет. Но ни правда, ни уход от ответа, ни ложь не делают этот вопрос менее неприятным. Для женщины назвать свой возраст, когда она уже «определенного возраста», – всегда маленькая попытка.

Когда вопрос исходит от женщины, он ощущается не таким опасным, чем когда его задает мужчина. Другие женщины, в конце концов, понимают, как унижительно отвечать на него. Отвечая, она будет меньше юлить, меньше жеманничать. Однако ей всё равно не нравится это делать, и она необязательно будет искренней. За пределами формальностей бюрократии любой, кто задает этот вопрос женщине «определенного возраста», игнорирует табу и, возможно, проявляет нескромность, а то и откровенную враждебность. Почти все понимают, что по достижении определенного возраста, при этом весьма юного, точное количество лет за плечами у женщины перестает быть допустимым предметом праздного любопытства. После окончания детства год рождения становится частной собственностью женщины, ее секретом. И секретом довольно грязным. Отвечать на вопрос правдой для нее теперь нескромно.

Дискомфорт, возникающий у женщины при необходимости отвечать на вопрос о своем возрасте, мало связан с тревожностью от осознания собственной смертности, которой периодически подвержен каждый. Совершенно нормально, что никому – ни женщинам, ни мужчинам – не нравится стареть. После тридцати пяти любое затрагивание темы возраста служит напоминанием, что жизнь человека с большой вероятностью уже ближе к концу, чем к началу. В этой тревоге нет ничего неестественного. Как и не удивительны тоска и злость действительно старых людей, которым за семьдесят или за восемьдесят, чувствующих неумолимое угасание их физических и умственных способностей. Преклонный возраст – несомненно, тяжелое испытание даже для самых стойких. Это крушение корабля, как бы мужественно они ни хватались за весла. Но объективный, сакральный страх старости – страх иного порядка, нежели субъективная, пошлая боль от старения. Старость – это настоящее испытание, от которого женщины и мужчины страдают одинаково. Старение же, чаще всего, – это испытание воображаемое, это нравственная болезнь, социальная патология, которая поражает женщин куда в большей степени, чем мужчин. Именно женщины испытывают по поводу старения (всего того, что предшествует непосредственно старости) острую досаду и даже стыд.

Из-за эмоциональных привилегий, которыми наше общество наделяет молодых, тревогу от старения в той или иной степени чувствует каждый. Во всех современных урбанизирован-

ных сообществах – в отличие от племенных, сельских сообществ – снисходительно относятся к ценностям зрелого возраста и превозносят юношеские удовольствия. Эта переоценка жизненного цикла в пользу молодости идеально играет на руку светскому обществу с его поклонением вечному росту промышленной производительности и неограниченной каннибализации природы. Такому обществу необходимо задать жизни новый ритм, чтобы побуждать людей больше покупать, больше потреблять и быстрее выбрасывать. Люди перестают осознавать свои реальные нужды, то, что приносит им истинную радость, – их замещают коммерциализированные образы счастья и личного благополучия; и в этой системе образов, призванной стимулировать всё больше и больше потребления, самой популярной метафорой для счастья становится «молодость». (Я настаиваю, что именно метафорой, а не буквальным определением. Молодость – это метафора энергии, неутомимой подвижности, аппетита: то есть состояния «хотения».) Приравнивание благополучия к молодости вынуждает людей постоянно и мучительно держать в голове свой точный возраст и возраст других людей. В примитивных и досовременных обществах годам придадут гораздо меньше значения. Когда жизни делятся на долгие периоды с устойчивыми обязательствами и устойчивыми идеалами (в том числе ханжескими), точное число лет за плечами у человека становится малоинтересным фактом; едва ли есть вообще причина упоминать или даже знать, в каком году кто родился. Большинство людей в непромышленных обществах имеют смутное представление о собственном возрасте. Человеку в промышленном обществе не дают покоя цифры. Он чуть ли не одержим учетом лет и убежден, что любое превышение минимального значения – это повод для расстройства. В эпоху, когда человеческая жизнь становится всё длиннее и длиннее, последние две трети этой жизни омрачены шемящим, непреходящим чувством утраты.

Престиж молодости в какой-то степени влияет на каждого члена этого общества. Мужчинам тоже свойственны периодические приступы депрессии по поводу старения – когда они, например, испытывают неуверенность в себе, неудовлетворенность или недостаток отдачи в работе. Но едва ли мужчинам знакома паника, с которой сталкиваются многие женщины. Старение не так глубоко ранит мужчин, поскольку вдобавок к пропаганде молодости, которая держит в напряжении и мужчин, и женщин, существует двойной стандарт, особенно немилосердный к женщинам. Общество с большей готовностью принимает старение мужчин, равно как оно более толерантно к мужским изменам. Мужчинам «позволено» стареть безнаказанно, в отличие от женщин, – по ряду причин.

Наше общество предлагает женщинам еще меньше положительных перспектив по мере старения, чем мужчинам. Физическая привлекательность в их жизни значительно важнее, чем в жизни мужчин, и так как в случае женщин привлекательность ассоциируется с молодостью, то испытание возрастом становится особенно тяжелым. Годы могут идти на пользу незаурядным умственным способностям, но женщин редко мотивируют развивать свое мышление выше дилетантского уровня. Епархией женщин считается так называемая вечная мудрость, интуитивное знание об эмоциях, которое никак не обогащается арсеналом фактов, практическим опытом и методами рационального анализа, отчего долгая жизнь для женщины не ассоциируется с накоплением мудрости. Женщине положено проявлять свои таланты уже в раннем возрасте, и, за исключением таланта к искусству любви, никакие другие с опытом не совершенствуются. «Мужественность» отождествляется с компетентностью, автономностью, самоконтролем – с качествами, которым не страшен закат молодости. Компетенция, ожидаемая от мужчин во многих областях деятельности, не считая разве что спорт, с возрастом только растет. «Женственностью» же считается некомпетентность, беспомощность, пассивность, несоревновательность, мягкость. Эти характеристики никак не выигрывают от возраста.

Мужчины среднего класса, даже совсем молодые, ощущают на себе угнетающий эффект старения, в том случае если они не достигают выдающихся результатов в карьере или не зарабатывают много денег. (Кроме того, по достижении среднего возраста обостряется их склонность

к ипохондрии, особенно во всём, что касается сердечных заболеваний и потенции.) Их кризис старения связан с бременем ожиданий «успешности», собственно, определяющей их членство в среднем классе. Отсутствие успеха в том или ином деле редко усугубляет тревогу женщин по поводу старения. Работа, которую выполняют женщины за пределами дома, редко считается достижением – только способом заработать деньги; большинство доступных женщинам карьер требуют от них только тех навыков, которым они обучались с раннего детства: быть услужливой, одновременно поддерживая и паразитировать, не идти на риск. Они могут выполнять низкоквалифицированную черную работу в легкой промышленности, которая представляет собой столь же сомнительное мерило успеха, как и ведение домашнего хозяйства. Они могут быть секретаршами, продавщицами, канцелярскими служащими, горничными, лаборантками, официантками, соцработницами, проститутками, медсестрами, учительницами, телефонистками – всё это общественные аналоги функций обслуживания и воспитания, которые женщина выполняет в семье. Женщины редко занимают руководящие должности, их не считают способными к большой ответственности в корпоративной или политической сфере, и они составляют только малую долю занятых в гуманитарных профессиях (не считая преподавания). Для них буквально закрыты профессии, связанные с экспертным, близким обращением с техникой или с агрессивными нагрузками на тело, а также с любым физическим риском или авантюристкой. По мнению общества, работа, подходящая для женщины, – это вспомогательные, «спокойные» занятия, в которых они составляют подспорье, но не конкуренцию мужчинам. Платят женщинам меньше, потолок развития в их карьерах ниже, а способов реализовать нормальное желание иметь власть – не так много. Выдающихся достижений в нашем обществе женщины добиваются безвозмездно; большинство же сдерживает тот факт, что социум не одобряет проявлений их амбиций и напора. Поэтому женщин минует мрачная паника мужчин среднего возраста оттого, что «успехи» кажутся им ничтожными, что они застряли на карьерной лестнице, что молодые вот-вот сместят их. Но как следствие женщины лишены того удовлетворения, которое мужчины получают от работы – и которое имеет свойство увеличиваться с возрастом.

Двойной стандарт старения особенно жесток к женщинам во всём, что касается устоявшихся представлений о сексуальности, изначально построенных на принципе неравноправия мужчин и женщин. Согласно социально одобренному сценарию, женщина восемнадцати – двадцати пяти лет встречает мужчину примерно своего возраста. (В идеале – чуть старше.) Они женятся и заводят семью. Но если через несколько лет брака у мужчины появляется роман на стороне, то обычно с женщиной намного младше своей жены. Предположим, обоим супругам под или немного за пятьдесят, и они разводятся. У мужчины есть все шансы снова жениться и, скорее всего, на более молодой женщине. Для бывшей жены вновь выйти замуж не так просто. Едва ли она сможет найти кого-то младше и с большей вероятностью останется с кем-то, кто сильно старше нее, – с мужчиной шестидесяти или семидесяти лет. Женщин перестают воспринимать в сексуальном ключе гораздо раньше, чем мужчин. Мужчина даже невзрачного вида сохраняет сексуальную востребованность до самого преклонного возраста. Он считается нормальным партнером для молодой, красивой женщины. Женщины, пускай они хорошо выглядят, лишаются сексуальной привлекательности в гораздо более раннем возрасте (или могут рассчитывать только на пожилых мужчин).

Таким образом, старение для женщины означает унижительный процесс постепенной утраты сексуальной квалификации. Пиком женской сексуальности считается ранняя молодость, после чего их ценность начинает стабильно снижаться, и даже молодые женщины вынуждены отчаянно бежать наперегонки со временем. Как только они не очень молоды, они уже стары. Иногда девушки начинают переживать о замужестве уже в подростковом возрасте. Мальчики и юноши едва ли имеют причины переживать из-за взросления. Желанность мужчины для женщины ни в коей мере не привязана к его молодости. Напротив, старение (по крайней мере, на протяжении нескольких десятилетий) играет мужчине на руку, ведь его цен-

ность как любовника и мужа определяется тем, что он делает, а не как он выглядит. Часто мужчины в сорок лет имеют больше успеха на романтическом поприще, чем в двадцать пять; слава, деньги и, главным образом, власть усиливают их сексуальную притягательность. (Женщина, добившаяся власти в конкурентной профессии или деловой карьере, считается менее, а не более желанной. Многие мужчины признаются, что такие женщины их пугают или отталкивают, потому что их, очевидно, сложнее воспринимать как сексуальный «объект».) С годами мужчины начинают переживать из-за своих физических способностей, из-за угасания влечения или даже импотенции, но их ценность как любовников не уменьшается от одного возраста. Коль скоро мужчина может заниматься любовью, он всё еще рассматривается как сексуальный партнер. Женщина находится в невыгодном положении, поскольку ее сексуальная пригодность определяется более жесткими «требованиями» касательно ее облика и возраста.

По видению общества, женская сексуальная жизнь куда более скудна, чем мужская, поэтому к незамужним женщинам относятся с жалостью. Раз уж ее никто не захотел, то и вся дальнейшая жизнь служит подтверждением ее нежеланности. Предполагаемое отсутствие у нее сексуальной жизни – это что-то стыдное. Мужчин-холостяков судят совсем не так категорично. Считается, что они могут вести сексуальную жизнь в любом возрасте или, по крайней мере, иметь на нее шансы. Для удела мужчин нет эквивалента унижительному статусу старой девы, «синего чулка». Заглушка в виде слова «мистер» от младенчества до глубокой старости защищает мужчину от стигмы, которой подвержена немолодая женщина, если она всё еще «мисс». (Тот факт, что женщин делят на «мисс» и «миссис», неустанно привлекая внимание к их семейному статусу, отражает общественное убеждение, что брак именно для женщин, а не для мужчин, имеет определяющее значение.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.